

АСТРАХАНСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

Выходятъ еженедѣльно по Воскресеньямъ. Годовая цѣна съ пересылкою и доставкою 5 р., а за четыре мѣсяца текущаго года 1 р. 67 к.

№ 10.

Подписка принимается въ редакціи Епархіальныхъ Вѣдомостей, при Астраханской Духовной Семинаріи, въ квартирѣ ректора, въ г. Астрахани.

9 НОЯБРЯ 1875 ГОДА.

ОТДѢЛЪ ОФФИЦІАЛЬНЫЙ.

I. ВЫСШІЯ ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

УКАЗЪ СВЯТѢЙШАГО ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩАГО СИНОДА.

Августа 15-го дня 1875 г., № 33.—*Объ учебникахъ по Алгебрѣ гг. Сомова и Давыдова.*

По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшей Правительствующей Синодъ слушали предложеніе Господина Оберъ-Прокурора, съ журналомъ Учебнаго Комитета, коимъ учебники по алгебрѣ—Сомова и Давыдова одобряются для употребленія въ духовныхъ семинаріяхъ въ качествѣ руководствъ по сему предмету, съ тѣмъ, чтобы замѣна одного руководства другимъ дѣлаема была въ началѣ учебнаго курса, для начинающихъ изучать упомянутый предметъ, и притомъ производилась не менѣе, какъ послѣ двухъ учебныхъ курсовъ.

П р и к а з а л и: Заключение Учебнаго Комитета утвердить и для объявленія Правленіямъ духовныхъ семинарій, къ надлежащему исполненію, препроводить при печатномъ указѣ Епархіальнымъ Преосвященнымъ копію съ журнала Комитета.

II. РАСПОРЯЖЕНІЯ ЕПАРХІАЛЬНАГО НАЧАЛЬСТВА.

1) Астраханская Духовная Консисто́рія слушала: Отставной военный учитель Александръ Алексѣевъ проше́ніемъ просилъ Консисто́рію оказать содѣ́йствіе къ распро́страненію его сочиненія подѣ́ заглавіемъ; „Бесѣ́ды правосла́внанаго христі́анина изъ евреевъ о́бъ истина́хъ св. вѣ́ры и заблуждені́яхъ талмудическихъ“. Содержаніе этой книги слѣ́дующее: 1) О вѣ́роученіи нынѣ́шнихъ евреевъ, относительно прише́ствія Мессі́и. 2) Талмудическое сказа́ніе о́бъ Иису́сѣ Хри́стѣ: о́ Его ро́жденіи, жи́зни, чуде́сахъ, сме́рти и воскресе́ніи. 3) Разска́зъ Талмуда о́ распро́страненіи Еванге́лія Апосто́лами. 4) О новоу́действѣ́, его бо́гослуженіи, пра́здникахъ и о́брядахъ. 5) Что такое Талмудъ? Кѣ́мъ онъ со́ставленъ и ко́гда появи́лся въ свѣ́тъ?—Цѣ́на за экземпляръ Бесѣ́ды 1 руб. Съ требова́ніями адре́соваться въ г. Новгоро́дъ, Соф. част., на углу Заба́вской ули́цы, до́мъ № 68-й, къ отставному военному учи́телю А. Алексе́еву, или въ С.-Пе́тербургъ, въ кни́жный магази́нъ Кора́блева и Си́рякова. О́преде́лили (10-го сентя́бря): рекомендо́вать означенное сочи́неніе Алексе́ева духо́венству че́рез Астраханскі́я Епархі́альныя Вѣ́домости.

2) Астраханская Духовная Консисто́рія слушала: Высочайше́ утвер́денное Общество́ для распро́страненія Св. Писанія́ въ Россі́и, при отноше́ніи о́тъ 24-го ію́ля сего́ 1875 г. за № 1002, препрово́ждая къ Его Преосвя́щенству записку́ о́ цѣ́ляхъ и дѣ́ятельности Общества́, проси́тъ архіепа́скопскаго распо́ряженія о́ напеча́таніи оной въ мѣ́стныхъ Епархі́альныхъ Вѣ́домостяхъ для свѣ́дѣ́нія па́сты. На это́мъ отноше́ніи Его Преосвя́щенство нало́жилъ слѣ́дующую резолю́цію: „1875 г. окта́бря 16. Записку́ о́ цѣ́ляхъ и дѣ́ятельности общества́ для распро́страненія Св. Писанія́ въ Россі́и напеча́тать въ Епархі́альныхъ Вѣ́домостяхъ по прилага́емому при семъ экземплярю́ ея—для свѣ́дѣ́нія причто́въ и приходо́въ. А священни́камъ предло́жить о́заботи́ться о́ распро́страненіи въ наро́дѣ кни́гъ Св. Писанія́ и о́ возбу́жденіи къ пожертво́ваніямъ на это́ свято́е дѣ́ло“. О́преде́лили: Исполни́ть резолю́цію Его Преосвя́щенства че́рез напеча́таніе оной и записки́ о́ цѣ́ляхъ и дѣ́ятельности общества́ для распро́страненія свя́щеннаго писанія́ въ Россі́и въ Епархі́альныхъ Вѣ́домостяхъ.

III. РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

О Б Щ Е С Т В О

для распространенія Св. Писанія въ Россіи.

(1863—74 г.)

„Заблуждается, не зная Писаній“.

Матв. XXII, 29.

Въ началѣ 1863 г., вскорѣ послѣ появленія *Новой Завети* на русскомъ языкѣ, въ С.-Петербургѣ возникъ небольшой частный кружокъ, поставившій себѣ задачей содѣйствовать съ своей стороны, по мѣрѣ силъ, распространенію въ народѣ этой святой книги, чтобы доставить ее тѣмъ, которые не имѣютъ еще ея по невѣдѣнію, бѣдности или инымъ, подобнымъ, причинамъ. Это было время, когда въ образованномъ сословіи пробудилось почти всеобщее стремленіе распространять грамотность въ народѣ. Но извѣстно, какое неизгладимое впечатлѣніе оставляетъ *первая* прочитанная книга: какъ важно поэтому, чтобы эта первая книга, попавшая въ руки грамотному простолюдину, была не вздорная какая-нибудь книжонка, а *Слово Божіе*, „умудряющее простыхъ“ (Псал. 18, 8). Эта мысль воодушевляла новою ревностью лицъ, положившихъ начало „Обществу для распространенія Св. Писанія въ Россіи“, уставъ коего 2-го мая 1869 г. удостоился Высочайшаго утвержденія.

Общество положило руководствоваться слѣдующими правилами:

- 1) Распространять лишь книги Свещ. Писанія, изданныя по благословенію Св. Синода.
- 2) Продавать Св. книги въ переплетѣ по возможно-дешевой цѣнѣ, людямъ же совершенно бѣднымъ, равно какъ и въ больницы, богадѣльни, тюрьмы, бѣдныя школы уступать по уменьшенной еще цѣнѣ и даже дарить, по мѣрѣ средствъ Общества.
- 3) Для того, чтобы Св. книги *всюду* могли быть продаваемы по одной и той-же цѣнѣ, назначенной Обществомъ, принимать для желающихъ пересылку ихъ на счетъ Общества.

Кромѣ обыкновеннаго способа продажи книгъ изъ складовъ, принять быль и другой еще способъ распространенія Св. книгъ, цѣлесообразность котораго, особенно у насъ, нельзя не признать. Мы разумѣемъ распространеніе Св. книгъ

въ разность. Нашъ простолюдинъ, напр., не привыкъ покупать книгу въ магазинахъ,—онъ охотнѣе пріобрѣтетъ ее изъ рукъ разносчика; иной, быть можетъ, и не слыхалъ еще о появленіи Новаго Завѣта на русскомъ языкѣ; съ другой стороны, находящіеся въ больницахъ, тюрьмахъ или на фабрикахъ и т. п. не могутъ сами пойти за Евангеліемъ, хотя-бы и желали его имѣть,—къ такому нужно принести его. У иного (и непростолюдина) одинъ видъ принесеннаго ему Евангелія и дешевизна книги можетъ возбудить желаніе пріобрѣсть его. Великая разница—книга лежащая и книга „ходячая“, книга, которая ждетъ или которая *ищетъ* покупателей. Вотъ одинъ изъ примѣровъ тому. Петербургскій книжный торговецъ, продававшій книги со столика у Полицейскаго моста, купилъ однажды у книгоноши Ф. экземпляръ Новаго Завѣта въ хорошенькомъ красномъ переплетѣ, и положилъ его вмѣстѣ съ прочими книгами на виду тысячъ людей, ежедневно проходившихъ мимо. „Любопытство все меня беретъ“, говорила Ф. „проданъ-ли онъ? Какъ ни иду мимо, взгляну,—нѣтъ, все лежитъ: побѣлѣлъ даже лека!“ Такъ пролежалъ онъ нѣсколько мѣсяцевъ. Сама-же Ф. продавала въ разность ежемѣсячно 200—300 эк. Св. книгъ.—Съ этого способа распространенія Св. книгъ и начали члены Общества; но, связанные другими обязанностями, могли пріобрѣтать къ нему лишь при случаѣ и въ свободное время. Чтобы дать распространенію Св. книгъ въ разность желаемое развитіе, необходимы были лица, которыя-бы исключительно посвятили себя этому дѣлу, необходимы были *книгоноши*. Отъ книгоноши требовались любовь къ дѣлу, безусловная честность, благочестіе, знаніе Св. Писанія, или по крайней мѣрѣ нѣкоторое знакомство съ нимъ, чтобы иному „темному человѣку“ объяснить, что содержится въ Св. Писаніи и тѣмъ пробудить желаніе пріобрѣсть его, наконецъ усердіе—до самоотверженія; требовалось словомъ то, что мы называемъ *призваніемъ*. Простой „наемникъ“ для подобнаго дѣла очевидно не годился. Общество имѣло счастье найти съ самаго начала, въ своей средѣ, желаемаго книгоношу въ лицѣ О. В. Ф.

Съ 1863 г. нашъ первый „книгоноша“ началъ дѣлать поѣздки на Нижегородскую ярмарку, по Приволжью и далѣе въ Саратовскія степи и на Кавказъ, стараясь доставить Св. книги туда, гдѣ неизвѣстно еще было даже и о появленіи Новаго Завѣта на русскомъ языкѣ, и куда эта Св. книга инымъ путемъ, вѣроятно, не скоро-бы еще проникла. Такъ на южной окраинѣ Саратовскихъ степей крестьяне села Александровъ-гай купили у Ф. 168 экз. Новаго Завѣта. На Кавказѣ, по разнымъ городамъ и селеніямъ, а болѣе

всего между расположенными там войсками въ теченіи двухъ лѣтъ распространено было имъ до 8000 экз. Новаго Завѣта. Вездѣ нашъ „книгоноша“ былъ желаннымъ гостемъ, вездѣ, привозимый имъ издалека, Новый Завѣтъ на родномъ языкѣ принимался съ радостью. „Это уже давно-бы надо сдѣлать, потому-что намъ эту книгу достать нельзя!“ замѣтилъ Саратовскій купецъ, узнавъ отъ Ф., что въ Петербургѣ образовался кружокъ людей, которые жертвуютъ свой трудъ и средства для распространенія въ народѣ Евангелія по возможно-дешевой цѣнѣ. — „Слава Тебѣ, Господи, добился!“ громко воскликнулъ, снявши шапку и набожно перекрестясь, молодой подмастерье въ г. Аткарекѣ, получивъ изъ рукъ нашего книгоноши Новый Завѣтъ. Подобныхъ примѣровъ неподдѣльной радости, къ какою принимается народомъ „книга жизни“ и вмѣстѣ трудности достать ее вдали отъ столицъ, много можно было-бы привести. „За эту книгу, братцы, надо жизнь отдать!“ воскликнулъ одинъ солдатъ, держа Евангеліе въ рукахъ. „Эта книга—душа моя!“ выразился другой, прижимая Евангеліе къ груди, „умру—не оставлю ее!“ Въ г. Азовѣ нагоняетъ нашего книгоношу больной старикъ—крестьянинъ въ телѣгѣ. Верстъ за семь оттуда, въ станицѣ, купилъ онъ у него Новый Завѣтъ на русскомъ языкѣ, но знакомая госпожа, по словамъ его, „отбила“ у него эту книгу. Послѣ долгихъ розысковъ, найдя, наконецъ, Ф., старикъ несказанно обрадовался и, купивъ другой экземпляръ Новаго Завѣта, онъ громко воскликнулъ, поднимая глаза къ небу и набожно крестясь: „слава Тебѣ, милосердому Богу!“

Какую притягательную силу имѣетъ Евангеліе для иного „простого“ чело-вѣка, еще незнакомаго съ нимъ, представляетъ слѣдующій разительный примѣръ. Въ 1865 г. на пути изъ Нижняго въ Саратовъ, нашъ книгоноша Ф. долженъ былъ вмѣстѣ съ прочими пассажирами прождать парохода трое съ половиною сутокъ на Самарской пристани. Отъ нечего дѣлать рассказывали воспоминанія изъ своей прежней жизни и читали. Между спутниками былъ отличный чтець: „Въ послѣдній вечеръ“, рассказываетъ Ф., „я попросилъ его прочитатъ намъ что-нибудь изъ Евангелія отъ Луки. Онъ исполнилъ мою просьбу и прочелъ первыя восемь главъ одну за другою. Впечатлѣніе, какое произвели на нѣкоторыхъ эти чудные рассказы было поразительно. Я желалъ бы быть живописцемъ, чтобы изобразить эту сцену! Одинъ матросъ, совсѣмъ собравшійся выйти по дѣламъ, остановился посреди комнаты, какъ былъ, въ шубѣ, въ шапкѣ, съ фонаремъ въ рукѣ, какъ прикованный, съ широко рас-

крытыми глазами, неподвижно устремленными на чтеца съ выраженіемъ напряженнѣйшаго вниманія на лицѣ... Возлѣ меня на полу сидѣла женщина; держувъ меня за руку, она тихоцѣло спросила: „что это за книга?“ Это — *Ев-ангеліе*, отвѣчала я. — „Ахъ, какое чудное чтеніе!“ замѣтила она, тихо покачивая головою.

Не менѣе сочувственно встрѣчено было появленіе „Общества для распространенія Св. Писанія въ Россіи“ и пастырями Церкви. „Ваше дѣло было точно отзывъ на наши задумевшія мысли, потому какъ намъ было не высказать сердечнаго желанія и полной готовности служить насущно необходимому дѣлу, вами начатому?“ писалъ въ Общество въ 1870 г. одинъ сельскій священникъ. „Никого не можетъ такъ утѣшать и радовать учрежденіе Общества для распространенія Св. Писанія въ Россіи, какъ священника“, писалъ другой священно-служитель, предлагая себя въ члены Общества. — Въ томъ-же году мисіонеръ между раскольниками въ одномъ изъ нашихъ промышленныхъ центровъ, предлагая себя въ члены Общества, писалъ между-прочимъ: „радуясь успѣху распространенія, наче всего, вѣчныхъ истинъ принесенныхъ Господомъ нашимъ Исусомъ Христомъ, содержащихся въ святомъ Евангеліи, о которомъ многія деревни малѣйшаго не имѣютъ понятія, — я искренно желаю быть членомъ-сотрудникомъ великаго дѣла“.

Мы высоко цѣнимъ участіе духовныхъ лицъ въ дѣлѣ Общества, видя въ томъ залогъ преуспѣянія его. „Это собственно наше дѣло!“ выразился одинъ изъ уважаемыхъ пастырей Церкви. Но мы знаемъ, какъ затруднительно священно-служителю отдаленной мѣстности, а тѣмъ болѣе небогатому средствами сельскому священнику приобрѣтать Св. книги для распространенія ихъ между своими прихожанами. Общество наше почитаетъ себя счастливымъ, что могло прійти, въ этомъ случаѣ, на помощь многимъ священно-служителямъ и приобрѣсти въ нихъ ревностныхъ сочленовъ(*). Нѣкоторые изъ нихъ, въ святой ревности, подобно книгошамъ, обходили своихъ прихожанъ, предлагая имъ Св. Евангелія, другіе, для той-же дѣли, брали съ собою Св. книги, отправляясь на требы или ходя съ иконами по домамъ въ праздникъ Пасхи, внушая вмѣстѣ съ тѣмъ о необходимости имѣть въ домѣ Св. Евангеліе и объясняя содержаніе его. „Полученныя книги, Св. Евангелія“, писалъ въ Общество сельскій священникъ одной изъ сѣверныхъ губерній, „съ радостью были приняты всѣми, ко-

(*) Къ началу 1875 г. въ составъ Общества числилось 66 лицъ духовнаго званія.

му были предложены. Но самыми усердными покупателями были дѣти, обучающіяся грамотѣ... по выходѣ изъ школы *каждый вечеръ при лучинѣ прочитываютъ они по нѣскольку страничекъ Св. Евангелія*, и этимъ самымъ семья отвлекается отъ пустыхъ и бесполезныхъ разговоровъ“.

(Продолженіе будетъ.)

Перемѣны по службѣ лицъ Епархіальнаго вѣдомства.

Опредѣлень—учитель Солодовскаго сельскаго училища Царевского уѣзда *Порфирій Селезневъ* исправляющимъ должность псаломщика къ Колобовщинской Михаило-Архангельской церкви того-же уѣзда (17-го октября).

— **Перемѣщены:** настоятель Ветлянинской Николаевской церкви Еютаевского уѣзда, священникъ *Григорій Никольскій*—настоятелемъ Золотухинской Казанской церкви того-же уѣзда (27-го октября); состоящій на псаломщической вакансіи при Харабалинской Михаило-Архангельской церкви Еютаевского уѣзда діаконъ *Федоръ Фортунатовъ* и и. д. псаломщика Новоникольской Николаевской церкви того-же уѣзда *Василій Рудисовъ*—одинъ на мѣсто другаго (27-го октября).

— **Рукоположены во священники:** учитель Галуевской земской школы Новоузенскаго уѣзда, Самарской епархіи, *Семенъ Благовидовъ*, назначенный настоятелемъ Валиклейской Вознесенской церкви Царевского уѣзда (22-го октября) и учитель Пошуньянскаго народнаго училища, Шавельскаго уѣзда, Ковенской губерніи, *Павелъ Цвѣтковъ*, назначенный помощникомъ настоятеля Верхне-Погроминской Покровской церкви, того-же уѣзда, (24-го октября).

— **Утверждены въ должностяхъ:** *предсѣдателя* церковно-приходскаго попечительства, Черноярскаго уѣзда, при Падовой Александро-Невской церкви крестьянинъ *Матвей Рыжовъ* и *члена* того-же попечительства крестьянинъ *Дмитрій Сикаловъ*,—на трехлѣтіе (26-го октября).

— **Преподано Благословеніе Божіе и благодарность** Его Пресвященства попечительству и прихожанамъ Николаевской церкви слободы Николаевской, Царевского уѣзда, за возобновленіе иконостаса въ ихъ приходской церкви и самой церкви (20-го октября).

— **Праздныя мѣста:** а) *Настоятелей*—Еютаевского уѣзда при Николаевской церкви станицы Ветлянинской и Черноярскаго уѣзда при Михаило-Архангельской церкви с. Обильнаго; б) *помощника настоятеля*—Красноярскаго уѣзда при церкви 12-ти Апостоловъ въ поселкѣ Большомъ-Гаянъшинѣ.

ОТДѢЛЪ НЕОФФИЦІАЛЬНЫЙ.

Нѣсколько дней пребыванія моего въ Тюменевкѣ.

(Продолженіе) (*).

17-го іюля. На другую сторону ерика, гдѣ живутъ русскіе чиновники, перекочевало кибитокъ десятокъ. Нынѣ мы ходили по этимъ кибиткамъ; почти въ каждой изъ нихъ гнали *арики*. Надмитка пригласилъ меня въ свою кибитку. Бѣдота страшная!.. Тѣмъ не менѣе и у него въ кибиткѣ приготовлялась *арики*. Здѣсь днемъ я лучше могъ разсмотрѣть, до какой степени неопрятны калмыки. Жена Надмитки—грязная, вся въ поту, исполняла должность винокура. Когда вино было готово, она приподняла крышки съ обоихъ котловъ, но сдѣлала это такъ неосторожно и небрежно, что и въ *бозо* и въ *арики* нападало значительное количество сухаго коровьяго помета, которымъ обмазаны были кружки котловъ. Я замѣтилъ женѣ Надмитки, что *арясунз* (сухой скотскій пометъ) нужно-бы выкинуть изъ котловъ; она взяла *шанага*—большой деревянный съ длинной ручкой ковшъ, собрала имъ изъ котловъ коровій пометъ, смѣшавшійся съ *бозо* и *арики*, и вылила въ особую деревянную чашку; остатки на ковшѣ она вычистила пальцами и облизала ихъ.—Куда вы дѣваете эту смѣсь? спросилъ я Надмитку. „Съѣдимъ, когда отстоится“, отвѣчалъ онъ. Послѣ предварительныхъ религіозныхъ обрядовъ Надмитка подала мнѣ чашку *арики*. Видя собственными глазами, какъ приготовлялась она, я не рѣшился выпить эту чашку и потому, сдѣлавъ видъ, что „пригубился“ къ ней, подалъ ее, по правиламъ калмыцкой вѣжливости, женѣ Надмитки; она, отхлебнувъ немного изъ чашки, подала мужу, который съ удовольствіемъ и осушилъ ее до дна... Жена Надмитки просила у меня денегъ на калмыцкій чай, но на этотъ разъ я отказалъ ей въ просьбѣ, сказавши, что *ман-ду мюнгюнз уга*—у насъ денегъ нѣтъ. По-мѣрѣ истощенія средствъ, мы съ г. С—мъ становились менѣе щедрыми, чѣмъ прежде, по отношенію къ калмыкамъ, потому-что они народъ слишкомъ безцеремонный, когда дѣло касается желудка: ровно по-духу чувуютъ, когда мы пьемъ русскій или калмыцкій чай, или ѣдимъ какой-нибудь *шюлюмз* (похлебку, супъ) и непремѣнно явятся раздѣлить нашу трапезу, а ихъ здѣсь живетъ порядочно—около 50 кибитокъ... Простившись съ Надмиткой и его женой, я зашелъ въ

(*) № 6, 7, 8 и 9 Еврх. Вѣдом.

кибитку опекуна улуса г. М—ва, стоявшую рядомъ съ кибиткой Надмидки. Тамъ сидѣлъ г. С—въ, передъ нимъ стояла чашка съ молочнымъ кушаньемъ, которое у калмыковъ почему-то называется *маханъ-ээдмыкъ*, хотя *махану* (мяса) въ этомъ кушаньи не было ни куска. *Маханъ-ээдмыкъ*, какъ объяснилъ миѣ г. М—въ, приготавливается изъ горячаго бозо и холоднаго сыраго коровьяго молока. Кушанье это миѣ весьма понравилось и я съ удовольствіемъ съѣлъ его иѣлую чашку... Кибитка г. М—ва была полна калмыками. При входѣ въ нее я подумалъ сначала, что они собрались къ опекуну улуса разсуждать о какихъ-нибудь общественныхъ дѣлахъ; но, осмотрѣвшись хорошенько, я увидѣлъ, что *заруца*—слуга г. М—ва разливалъ изъ *бербе арику* и разносилъ гостямъ. Причина такого многолюднаго собранія стала для меня понятною. Каждому калмыку извѣстно въ какой кибиткѣ гонять вино, кто зарѣзалъ барана, кто варитъ конину и потому всякій, у кого пусто въ желудкѣ, прямо безъ приглашенія идетъ въ ту кибитку, въ которой можно чего-либо поѣсть, или попить... И хозяева бываютъ даже очень рады, но-крайней-мѣрѣ по наружности, что имъ представляется случай угостить лишняго человѣка.

Отъ М—ва мы съ г. С—вымъ зашли къ помощнику попечителя и здѣсь имѣли случай видѣть, какъ совершается судъ надъ калмыками. Подъ тѣнью своей квартиры сидѣлъ на стулѣ помощникъ попечителя, предъ нимъ стояли два калмыка, обвинявшіеся въ покражѣ 3-хъ лошадей у молодаго зайсанга Б—ба Ар—ва. На землѣ, на зеленой травѣ сидѣлъ самъ истецъ, поджавши подъ себя ноги; векорѣ пришелъ и г. М—въ съ другимъ молодымъ съ плутовскою фізіономіею калмыкомъ, заявившимъ, что у него ночью украли пять лошадей. Оба они сѣли на траву; вовремя допроса все калмыки, присутствовавшіе здѣсь, постоянно курили трубки, кромѣ допрашиваемыхъ. Допрашиваемые на этотъ разъ притворялись ничего непонимающими по-русски, тогда какъ по увѣренію помощника попечителя, который уже не въ первый разъ имѣетъ съ ними дѣло, они хорошо говорятъ по-русски, или по крайней-мѣрѣ понимаютъ этотъ языкъ. Въ этомъ мы лично убѣдились вовремя допроса. Помощникъ попечителя предлагаетъ, наприимѣръ, одному калмыку вопросы на русскомъ языкѣ: „былъ у васъ въ хотонѣ зайсангъ Ар—въ? *Ирэлэ* (былъ—собств. приходилъ), отвѣчаетъ допрашиваемый. „Взялъ онъ у васъ изъ хотона лошадей?—*Абла* (взялъ). „Сколько онъ взялъ?“—*Гурбуниэ меринэ* (три лошади). Допрашиваемый калмыкъ такимъ образомъ отвѣчалъ на кал-

мыцкомъ языкѣ прямо на вопросы, предлагаемые ему помощникомъ по-русски и, значитъ, понималъ смыслъ этихъ вопросовъ. Кроме-того, допрашиваемый калмыкъ, отвѣчая на вопросы помощника по-калмыцки, въ горячности и по забывчивости вдругъ начиналъ говорить по-русски; потомъ, спохватившись, опять принимался бормотать по-калмыцки... Немогу никакъ понять, что хотятъ выиграть подсудимые калмыки, притворяясь на допросахъ непонимающими русскаго языка, потому-что при Улусныхъ Правленіяхъ находятся переводчики и толмачи, помощію которыхъ и пользуются завѣдующіе улусами русскіе чиновники...

Въ полдень пріѣхали изъ Астрахани на пароходѣ трое молодыхъ зайсанговъ, отлично говорящихъ по-русски. Они родомъ изъ Малодербетевскаго улуса и заѣхали въ Тюменевку по дорогѣ засвидѣтельствовать свое почтеніе княгини *Рашигъ-Даликъ*, которая взята замужъ изъ того-же улуса. Вечеромъ они нарядились въ великолѣпные національные костюмы и отправились къ ней пить русскій чай. По калмыцкому обычаю, войдя въ кибитку, они сѣли по лѣвую сторону отъ входа, поджавши подъ себя ноги. Вскорѣ имъ подали въ стаканахъ чай. Мы долго дожидались, о чемъ эти зайсанги будутъ бесѣдовать съ княгиней, но они упорно молчали, — только повременамъ въ полголоса перебрасывались между-собою нѣсколькими отрывочными фразами. Наскучивъ долгимъ ожиданіемъ и не находя покоя отъ комаровъ, мы ушли отъ кибитки княгини и стали гулять по берегу Волги, гдѣ комары не такъ сильно одолевали насъ.

18-го іюля. Нынѣ мы ходили во второй этажъ къ бурхачею отплатить ему визитъ и вмѣстѣ съ тѣмъ посмотреть на обстановку его квартиры. Квартира бурхачея убрана была также, какъ и квартира другаго галюна, у котораго я былъ на Калмыцкомъ базарѣ въ праздникъ *Цаганъ-Сара*. У одной стѣны по лѣвую сторону отъ входа стояла низенькая койка, на которой лежалъ съ трубкой въ зубахъ самъ *бурхачи*. На-полу около койки стоялъ мѣдный тазъ, въ который бурхачи сплевывалъ слюну, являющуюся отъ табакокуренія. Рядомъ съ тазомъ стоялъ маленькій столикъ — *бичиханъ-ширя*, на которомъ лежали Мозеровскіе часы, складной ножъ, компасъ, книга въ кожаномъ переплетѣ озаглавленная *эмчи* (лечебникъ) и еще какія-то металлические вещицы, назначенія которыхъ не объяснилъ и самъ бурхачи. Къ самой койкѣ протянуть былъ ремень, привязанный къ молитвенной машинѣ — *кюрду*, за который по-временамъ подергивалъ бурхачи. У другой стѣны,

противоположной койкѣ, на длинныхъ столахъ разставлены были бурханы и развѣшаны картины религіознаго содержанія. Бурхачи позволили намъ рассмотреть своихъ бурхановъ. Это были: *Дзонг-Кхова*, *Бурханг-Бакии* и *Дара-Экэ*. Сѣ они, по словамъ бурхачи, были вылиты будто-бы изъ чистаго золота... Говорили большею частію о предметахъ, находящихся въ его комнатахъ и относящихся или къ домашней утвари, или къ религіознымъ украшеніямъ. На одномъ изъ столовъ поставлено было множество серебряныхъ чашекъ, наполненныхъ пшеницею, пшеномъ, яблоками, огурцами, конфетами и *аршьяномъ* (свѣж. подслащенная вода съ шафраномъ). По крайню столу лежали старинныя мелкія русскія мѣдныя монеты. Все это — жертва бурханамъ. Бурхачи въ разговорахъ съ нами притворялся, что онъ по-русски *медкингъ* — непонимаетъ, между-тѣмъ, какъ по улыбкамъ и по разнымъ минамъ на лицѣ при разговорѣ моемъ въ г. С — вымъ можно было съ несомнѣнностію заключить, что, если онъ и дѣйствительно не говорить по-русски, то по крайней-мѣрѣ хорошо понимаетъ этотъ языкъ... Въ продолженіи почти двухнедѣльнаго пребыванія въ Тюменевкѣ мы не встрѣчали ни одного духовнаго лица, которое говорило-бы по-русски. *Манчжики*, постоянно ходившіе въ садъ князя Тюмени, гдѣ мы обыкновенно пили чай, упорно отказывались говорить по-русски, тогда какъ по многимъ признакамъ видно было, что они понимаютъ этотъ языкъ. Русскіе чиновники положительно увѣряютъ, что высшее ламайское духовное чинначалѣ строго запрещаетъ духовнымъ лицамъ говорить по-русски, видя въ знаніи русскаго языка шагъ къ обрусѣнію калмыковъ, чего ламайское духовенство, по понятнымъ причинамъ, страшно боится. Съ другой стороны духовенство слишкомъ недовѣрчиво смотритъ на русскихъ и отъ такого галюна, каковъ напризмѣръ *бурхачи*, трудно узнать что-либо, касающееся быта, или религіи калмыковъ. Одинъ изъ пожилыхъ калмыковъ, знающій хорошо нравы своего духовенства, даже и не совѣтывалъ мнѣ толковать съ *галюнами* о такихъ предметахъ, потому-что галюны, говорилъ онъ, или будутъ молчать, или отдѣлываться шутками, или-же безсовѣстно лгать.

Послѣ визита *бурхачею*, я рѣшился по совѣту одного стрѣльца поучиться стрѣлять изъ ружья. Этотъ стрѣлецъ постоянно твердилъ мнѣ, что въ степяхъ необходимо уметь стрѣлять: ружьемъ въ степи можно добыть себѣ и дичины на пищу и дать при случаѣ острастку недоброму человеку. Послѣ двухъ неудачныхъ выстрѣловъ, въ третій разъ я застрѣлилъ двухъ воронъ... Между-тѣмъ, пока я возился съ ружьемъ, калмыки что-то сильно засуетились: чи-

стили лошадей, отыли откуда-то старый тарантасъ и приводили его въ порядокъ; *улачи* (разсылные, ямщики) въ попыхахъ бѣгали то къ опекуну улуса, то къ русскимъ чиновникамъ, то къ ключарю Нохашкѣ. Возвратившись въ квартиру, я увидѣлъ послѣдняго ползающимъ подъ бильярднымъ столомъ, изъ подъ котораго онъ выметалъ соръ. Отъ Нохашки я узналъ, что изъ Астрахани получено извѣстіе о прїѣздѣ въ Тюменевку князя Церенъ-Надмита. Тогда для меня стала понятна причина суматохи калмыковъ. На съ г. С—мъ деликатно попросили перебраться въ другую комнату, что мы немедленно и исполнили. Калмыки толковали, что вмѣстѣ съ княземъ прїѣдутъ въ Тюменевку г. Начальникъ губерніи и главный попечитель калмыцкаго народа К. И. Костенковъ. Въ этотъ день хотя и пришолъ пароходъ изъ Астрахани, но съ него ссадили вмѣсто князя какого-то чиновника и Астраханскаго рыбопромышленника г. П—ва, прїѣхавшихъ нанимать калмыковъ для работы на ватагѣ. Вечеромъ, когда, по росписанію, парохода нельзя было ожидать, мы пошли отдать послѣдній визитъ нѣкоторымъ калмыкамъ и русскимъ чиновникамъ. Добравшись до кибитки г. М—ва, котораго я любилъ за его относительную развитость, за готовность сообщать свѣдѣнія о калмыкахъ и за гостепрїимство, — мы прїѣли на травѣ около его кибитки. Была уже почти ночь; коровы стояли не вдалькѣ, привязанныя на веревкахъ къ колыямъ, телята мычали, *улачи* недалеко отъ кибитки подкладывали дрова подъ котель и варили *маханъ* для М—ва; маленькіе ребятишки — дѣти хозяина хохотали и визжали, валяясь по землѣ, завернутые въ кошмы. Между прочимъ я попросилъ г. М—ва достать для меня *арики*, *хурсуна* и *шююрмюка*, которыя я намѣренъ былъ повезти въ Астрахань для того, чтобы показать своимъ знакомымъ. Все это при помощи его и Надмитки мнѣ удалось прїобрѣсть. Простившись съ г. М—мъ и подорогѣ зашедши на нѣсколько минутъ къ русскимъ чиновникамъ, мы возвратились въ свою квартиру. Къ намъ пришолъ скрипачъ Б—ка, немного выпивши. Онъ жалѣлъ все о прежнемъ житіи князей, когда, по его словамъ, въ домѣ чуть не каждый день бывали пиры, когда князя, постоянно жившіе въ Тюменевѣ, рады были всякому русскому гостю. А теперь, говорилъ онъ, все пустѣетъ: князь рѣдко прїѣзжаетъ въ Тюменевку, больше живетъ въ Астрахани; пировъ не бываетъ, музыки никогда не слышно, садъ совершенно заглохъ, гостей изъ русскихъ почти никогда не бываетъ. Все это онъ говорилъ, какъ-бы сожалѣя о томъ, что мы прїѣхали въ Тюменевку въ такое время, когда она уже поте-

ряла свой прежній блескъ и славу. Разчувствовавшись, этотъ добрый калмыкъ обѣщался прислать намъ на другой день поросенка. Мы, какъ русскіе, отнеслись къ его обѣщанію такъ, какъ и повелѣваетъ русская пословица: „даютъ — не отказывайся, самъ не напрашивайся“. Обѣщаннаго поросенка — на другой день мы скушали съ большимъ аппетитомъ.

(Продолженіе будетъ.)

Современныя требованія отъ православнаго духовенства.

Кажется, нужно быть крайнимъ идеалистомъ, чтобы сказать что наша Россія въ настоящее время можетъ гордиться своимъ народнымъ прогрессомъ, понимаемымъ въ смыслѣ полного внутренняго развитія духовно-правственныхъ силъ русскаго народа. Правда, нельзя отрицать того очевиднаго факта, что наше любезное отечество по пути умственнаго и общественнаго преусиѣянія движется впередъ довольно быстро, что доказывается какъ дѣломъ образованія, пропикающимъ болѣе и болѣе въ жизнь народа, такъ равно и день-отъ-дня открывающимися благодѣтельными улучшеніями и реформами общественнаго быта русскаго народа. Железныя дороги, телеграфы, — начинаютъ опутывать Россію во всѣхъ направленіяхъ; самоуправленіе городовъ и селъ ясно свидѣтельствуетъ о ея цивилизаціи. Но еще большинство русскаго народа крайне неразвито; еще много можно встрѣтить такихъ уголковъ Россіи, въ которыхъ, если не вопять о дѣтихъ, отдаваемыхъ въ школы, какъ во времена Владиміра и Ярослава, за-то нерѣдко противоудѣствуютъ дѣлу образованія, или тормозятъ его своимъ невѣжественнымъ вмѣшательствомъ, отдавая дѣло образованія въ руки дешевыхъ неучей. Еще процентъ необразованности у насъ великъ, такъ-что потребовалось въ печати заявленіе — о необходимости введенія въ силу государственнаго закона относительно обязательнаго обученія, какъ это существуетъ въ Пруссіи; да и статистическія данныя ясно доказываютъ это. Слѣдовательно жатва еще велика и вызываетъ многихъ дѣлателей...

Наконецъ, прогрессъ коснулся и религіи, хотя въ формѣ направленія, выработаннаго западною интеллигенціею... Было-бы едвали ново съ нашей стороны сказать, что настоящее, переживаемое нами, время съ его сильнымъ интеллектуальнымъ развитіемъ, особенно естественныхъ наукъ на западѣ, девизомъ которыхъ стало: „историческое призваніе — сокрушить узы религіознаго омраченія и отвоевать челоуѣку истинную свободу духа“ (Нѣмецк. интелли-

генц. Православ. Собесѣдн. 1875 г. Августъ), съ его гордо-поднимаемымъ знаменемъ науки, отрицающей, въ лицѣ коринтеевъ западной образованности, святѣйшія откровенныя истины христіанства и тѣмъ лишаящей человѣчество укрѣпляющихъ и спасающихъ отъ нравственнаго разслабленія и растлѣнія силъ, которыми такъ преисполнено христіанство,—вызываетъ Св. Церковь въ ея представителяхъ на положительную и мужественную борьбу. Намъ кажется, — немного нужно знанія и наблюдательности, чтобы не видѣть совершающагося предъ нашими глазами ужаснѣйшаго явленія, — интеллигентной борьбы противъ христіанства, плоды которой пожнетъ человѣчество конечно въ своемъ будущемъ. И это мыслимо не относительно только запада съ его особенными сложившимися историческими обстоятельствами духовно-соціальной жизни, но это явленіе видимо и сильно даетъ знать о себѣ и у насъ въ Россіи для тѣхъ, кто хотя немного присматривался къ жизни и направленію современнаго общества. А потому нельзя не задуматься надъ грустно-предсказательными словами нашего образованнѣйшаго Архипастыря, Пресвященнаго Хрисанова: „придетъ время и, быть можетъ оно близко, когда труднѣе будетъ вліять на народъ“ (Руководст. настав. Пресвящ. Хрисанова. Астрах. Епархіал. Вѣдом. № 4). Ясно, слѣдовательно, что духовенству предстоить задача — упрочить свое нравственное значеніе среди народа, въ виду напора современнаго антирелигіознаго направленія, съ энергією и пастырскимъ благоразуміемъ отстаивая высочайшія истины Церкви... И въ рукахъ духовенства есть могущественнѣйшія средства для упрочиванія въ народной жизни значенія и вліянія Церкви, — это дѣло народнаго образованія, соединенное съ дѣломъ проповѣди. Образованіе, основанное на здравыхъ, разумныхъ началахъ, есть великая сила въ государствѣ... Вникая въ историческія судьбы народовъ, нельзя не удивляться, — какое громадное значеніе имѣло образованіе! По видимому, брошенная въ народъ какимъ-нибудь труженикомъ науки идея пронадала на первыхъ порахъ безслѣдно. Но нѣтъ, народъ, благодаря образованію, делѣялъ ее въ своемъ самосознаніи, и, изучая извѣстную эпоху, находимъ, что брошенная идея была сѣмянемъ, которое умерло для того, чтобы принести плодъ. Въ этомъ состоитъ прогрессъ человѣчества! Поэтому каждый членъ духовенства, которому дороги (а кому не дороги?) обще-человѣческіе интересы христіанства, долженъ всѣми мѣрами стараться принести посильную лепту на дѣло народнаго образованія.

Грустно становится на душѣ, когда узнаешь изъ газетъ, что нѣкоторые

представители свѣтской учебной администраціи обращаются *во-имя Бога* къ духовенству, приглашая его къ *болѣе ревностному исполненію своихъ обязанностей на поприщѣ учительства*, съ чѣмъ недавно обратился Воронежскій директоръ гимназій къ о.о. законоучителямъ. Намъ сдается, что причина такого грустнаго и вродѣ ненормальнаго явленія въ жизни духовенства, есть слѣдъ старой жизни нашей бурсы съ ея подавляющимъ духовныя силы ученика гнетомъ. Давно-ли было время, когда большинство воспитанниковъ семинаріи жило идеями, что стоило лишь перейти рубиконъ учебной жизни—философскій классъ и поступить въ *богословскій*,—затѣмъ просто почивай на лаврахъ, т. е. ничего не дѣлай, съ грѣхомъ пополамъ готовь лекціи, лишь недѣлай на столько крупнаго проступка, за который грозило-бы увольненіе изъ учебнаго заведенія, а то навѣрно кончишь курсъ и слѣдовательно будешь пастыремъ Св. Церкви. Недавно миновало время, котораго мы были свидѣтелями, когда большинство солидныхъ богослововъ проводило вечернее занятіе въ умилительныхъ бесѣдахъ о будущихъ наслажденіяхъ суиружеской жизни и беззаботной жизни сельскаго священника. Немало можно было встрѣтить и такихъ субъектовъ, которые съ особеннымъ интересомъ изображали картину, какъ они-де въ званіи сельскаго священника, съ сознаниемъ своего достоинства „батюшекъ“, будутъ собирать по приходу крестьянскія подачки. Но среди этихъ расслабляющихъ душу ученическихъ бесѣдъ почти никогда невозбуждалось въ учащемся юношествѣ тѣхъ благотворныхъ вопросовъ: что такое пастырь Церкви, какое назначеніе и какая цѣль его дѣятельности и какими средствами для достиженія цѣли своего служенія онъ можетъ располагать при своей дѣятельности? У каждаго воспитанника лелѣялась одна завѣтная мысль, какъ-бы поскорѣ вырваться изъ стѣнъ учебнаго заведенія, отъ ферулы начальственнаго надзора и зажить семьею—*нишкомъ*, идеалъ котораго едва-ли не патриархальная жизнь библейскихъ праотцевъ съ ихъ шатрами и богатствомъ. Указывая на этотъ грустный, вынесенный изъ личнаго наблюденія, фактъ, мы по долгу справедливости, во-имя возстановленія истины, должны указать и на тѣ ненормальныя отношенія, которыя существовали между наставниками и воспитанниками... Все дѣло ограничивалось простымъ теоретическимъ преподаваніемъ и изученіемъ предметовъ. Каждый наставникъ ex officio отбывалъ свой классъ, едва-ли считая своею обязанностию нравственное воспитаніе учащихся... Въ семинаріи—ученики *богословскаго класса* слушали преподаваніе *пастырскаго богословія*, но что выслушивали?—одну

сухую теорію пастырскаго служенія, — *практическія*, жизненныя стороны его не затрогивались... Въ этомъ, по нашему мнѣнію, состоитъ горькая, можетъ быть и вынужденная(?) ошибка прежняго наставничества. Такимъ образомъ въ результатъ выходило, что молодые люди, готовившіеся въ большинствѣ во священники, едва-ли осмысленно, съ яснымъ сознаниемъ всей важности и трудности пастырскаго служенія, выбирали себѣ этотъ путь жизни, а вѣрнѣе руководились въ своемъ стремленіи къ тому совершенно случайными и очень мало соотвѣтственными значенію пастырства соображеніями... Отсюда понятно, — какіе по-большей части должны были выходить изъ семинаріи кандидаты священства... А время, этотъ неумолимый требователь и судія, потребовалъ отъ духовенства, особенно нынѣ, той жизненной работы, призывъ къ которой слышится всюду, — это народное развитіе и образованіе. Указанныя нами выше причины тѣмъ не менѣе нисколько неосвобождаютъ насъ — духовенство отъ отвѣтственности по дѣлу народнаго образованія, какъ такой нравственной силы, благодаря которой пастыри дѣйствительно могутъ возвыситься въ глазахъ своихъ словесныхъ овецъ. Да, настоящее время призываетъ православно-русскаго священника къ величайшему подвигу...

Нельзя, конечно, сказать, чтобы наше духовенство вообще холодно относилось къ дѣлу народнаго образованія. Это было-бы съ нашей стороны положительная клевета. Мы знаемъ и читаемъ примѣры честнаго безкорыстнаго труда въ этомъ отношеніи нашего духовенства, но все еще есть села, наприм. въ нашей епархіи, въ которыхъ нѣтъ церковно-приходской школы. Многія лица изъ духовенства по поводу этого явленія въ нашей епархіальной жизни говорятъ, что бѣдному сельскому священнику, прежде чѣмъ заботиться объ училищѣ, необходимость и безотвязная дѣйствительность указываетъ на заботу о своемъ семейномъ обеспеченіи, требующую немалой затраты капитала на себя и на воспитаніе своихъ дѣтей. Неотвергая относительной справедливости и важности этого заявленія, мы рѣшаемся прямо сказать, что наша Астраханская епархія, слава Богу, не можетъ приравняться съ нѣкоторыми другими епархіями, гдѣ жизнь сельскаго духовенства дѣйствительно находится въ плачевномъ состояніи... При сравнительной матеріальной обеспеченности наше сельское духовенство вполнѣ-бы могло посвящать свободный досугъ времени для дѣла народнаго образованія, находя въ этомъ трудѣ самое раціональное услажденіе среди иногда скучной, однообразной жизни сельскаго священника. *Labor est ipse voluptas.* (Трудъ самъ по-себѣ — наслажденіе).

№ 10.

Противъ Церкви, а слѣдовательно и противъ представителей ея, въ виду какъ мы сказали выше, поднимается усиленная борьба, которая въ своемъ дѣйствіи глубже и глубже проникаетъ въ жизнь нашего русскаго народа, что обнаруживается въ развивающемся религіозномъ индифферентизмѣ и легкомъ отношеніи къ исполненію христіанскихъ заповѣдей. Слѣдовательно, какъ долженъ быть важенъ подвигъ пастыря Церкви и сколько отъ него потребно силъ и старанія, чтобы противодействовать этой борьбѣ. Какъ значитъ долженъ быть священникъ заботиться о своемъ личномъ усовершенствованіи, какъ умственномъ, такъ и нравственномъ, чтобы съ одной стороны съ мечомъ Слова Божія отстаивать откровенныя истины христіанства противъ нападковъ современной антирелигіозной образованности, дошедшей въ своей борьбѣ противъ христіанства кажется до *non plus ultra* и проявившейся въ новой религіи *позитивизма* съ своимъ особеннымъ пантеономъ г. Литре, съ своимъ религіознымъ культомъ, съ своими праздниками, наприм.: возрожденіе челоуѣчества (1-го января), и наконецъ съ своими святыми—въ родѣ Вольтера и Фридриха Великаго; а съ другой стороны—неменѣе заботиться и объ истинномъ просвѣщеніи своихъ пасомыхъ, какъ живую, близкую къ жизни проповѣдь, такъ и дѣломъ образованія молодаго поколѣнія, проводя тѣмъ и другимъ путемъ въ жизнь народа религіозно-нравственныя начала, составляющія силу и могущество государства и общества.

Д. А. Н—ев.

(Продолженіе будетъ.)**Разныя извѣстія.****Замѣчательныя постановленія иносархіальныхъ съѣздовъ духовенства.**

а) *Саратовскій епархіальный съѣздъ* 25-го іюня 1875 г., назначивъ въ пользу ученической библіотеки при семинаріи одновременно 264 руб. 55 коп., *положилъ*: на будущее время, начиная съ 18⁷⁶/₇₇ учебнаго года, выдавать на этотъ предметъ изъ общихъ епархіальныхъ суммъ по 150 руб. *ежегодно*.

— 26-го іюня. На томъ-же съѣздѣ оканчивающимъ курсъ епархіальнаго женскаго училища—9-ти дѣвицамъ-сиротамъ положено выдать изъ общепархіальныхъ средствъ по 100 рублей.

б) 7-й общепархіальный съѣздъ *Харьковской епархіи* 8-го августа

1875 года, по выслушаніи письма семинарскаго Правленія члена отъ духовенства протоіерея Д. Федоровскаго, которымъ онъ просилъ съѣздъ назначить пособіе членамъ семинарскаго Правленія отъ духовенства за ихъ труды и на покрытіе издержекъ по найму извозчиковъ для поѣздокъ въ семинарію, *поставили*: „назначить членамъ семинарскаго Правленія отъ духовенства изъ епархіальныхъ средствъ по 120 руб. каждому.“—Постановленіе это Епархіальнымъ Преосвященнымъ утверждено.

„Иркутскія Епархіальныя Вѣдомости“ сообщаютъ, что 31-го августа начальникъ Иркутской миссіи архимандритъ Мелетій крестилъ двухъ штатныхъ ламъ Аларскаго дацана. Такимъ образомъ съ преждекрещенными въ томъ же мѣсяцѣ двумя штатными ламами всего крестилось ихъ четверо. Затѣмъ въ дацанѣ осталось штатныхъ ламъ всего 4, тогда какъ прежде ихъ было 17; куда выбыли 9 ламъ—въ Вѣдомостяхъ не показано. (Московск. Вѣдом. № 269).

Замѣчательное вниманіе калмыцкаго бакши къ праславному Архипастырю. „Современность“ (№ 108) со словъ „Донской Газеты“ передаетъ, что 3-го сентября кочевье донскихъ калмыковъ удостоилось посѣщенія высокаго гостя. Высокопреосвященный Платонъ Архіепископъ Донской и Новочеркасской, проѣздомъ въ станицу Великокняжескую, заѣхалъ, по приглашенію бакши, въ Намровскій хуруль. На встрѣчу Его Высокопреосвященству бакша выслалъ на Казенный мостъ, находящійся на Манычѣ, въ 10-ти верстахъ отъ хурула, депутацию изъ духовныхъ и свѣтскихъ почетныхъ лицъ. Здѣсь, впрягну своихъ лошадей въ карету Высокопреосвященнаго и, окруживъ ее конвоемъ изъ лихихъ наѣздинговъ, калмыки доставили Его Высокопреосвященство въ домъ бакши, гдѣ хозяинъ встрѣтилъ гостя съ хлѣбомъ-солью. Предъ отъѣздомъ Высокопреосвященнаго Платона, прогостившаго здѣсь часа четыре, бакша, по калмыцкому обычаю, поднесъ гостю подарокъ. Отсюда Высокопреосвященный выѣхалъ въ станицу Великокняжескую, куда на другой день утромъ прибылъ и бакша съ приближенными гелюнами и почетными стариками, гдѣ присутствовалъ на закладѣ христіанской церкви и, въ числѣ другихъ, пожертвовалъ на устройство этого храма 25 руб.

Редакторъ, ректоръ Семинаріи, архимандритъ *Александръ*.

Дозволено цензурою. Астрахань. 7 ноября 1875 г.

Губернская Типографія.